

Опубликовано:

История в подробностях. – 2010. – № 6. – С. 26-33

© Лопатин Л.Н.,

© Лопатина Н.Л.

**ЖИЗНЬ И БЫТ КРЕСТЬЯН
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЯХ XIX В.
МАКСИМОВА С.В. И ЭНГЕЛЬГАРДТА А.Н.**

Лопатин Леонид Николаевич - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Кемеровской государственной медицинской академии.

Лопатина Наталия Леонидовна - кандидат культурологи, доцент кафедры истории Кемеровской государственной медицинской академии.

Аннотация:

В статье содержится этнографический материал о русской деревне. По описаниям российских исследователей Максимова С.В. и Энгельгардта А.Н. жизнь и быт крестьян предстает в непривычном для читателя свете. В описаниях этнографов деревня выглядит материально довольно благополучной с обилием праздников, трудолюбивой, чистоплотной, веселой, нравственно чистой.

Ключевые слова:

быт, культура, праздничная культура, труд, питание, пьянство, воровство.

Этнографические свидетельства этнографа 19 века Максимова С.В. и публициста Энгельгардта А.Н. о быте русских крестьян не совпадают с идеологическими установками советских и постсоветских учебников об отсталости и забитости крестьян в России.

Максимов С.В. исследовал быт, культуру крестьян. С этой целью он объездил множество губерний России. Помещик Энгельгардт А.Н., приехавший жить в своё имение после отмены крепостного права, вёл записи своих наблюдений, имея привычку аристократа записывать всё в дневник.

Поражает уважение авторов к крестьянам, схожесть наблюдений и оценок. Читая Максимова и Энгельгардта, возникает образ достаточно благополучной и сытой деревенской жизни. Даже при крепостном праве у крестьян были множество праздников, разнообразный досуг, полноценное питание, красивая одежда, возможность самовыражения через песни, праздники. Особо бросается в глаза музыка слова, богатая разговорная речь крестьян, которые отражают мобильный ум, смекалистость, юмор, сарказм крестьян. Удивляют образованность крестьян, трудолюбие, нравственная чистота, чистоплотность. Работы этнографов ценны тем, что они являются «портретом с натуры». По ним можно судить с достаточно большой достоверностью о состоянии российской деревни в досоветский период.

Максимов С.В. описал «среднестатистическую» деревню: «... деревушка на берегу реки, небольшая с часовенькой. Амбары и клетки в глухих местах не запирают, избы бревенчатые, у богатых дома стараются казаться опрятными. Дома покрыты соломой. Спят на тюфяках с соломой, каждый год солому в них меняют. Крыши тоже постоянно обновляют». [4, с. 485] Вполне понятно, что обновлять крыши каждый год - это большой труд.

По записям исследователей становится очевидным, что материальное благополучие крестьян зависело от их трудолюбия. Малоземелье, величина семьи не были первопричиной бедности.

Энгельгардт А.Н. считал, что особенности труда русского мужика связаны с климатическими условиями: «Наш работник не может как немец, равномерно работать ежедневно в течении года – он работает порывами [...] Это следствие климатических условий, когда полевые работы должны производиться в очень короткий срок[...] при случае, когда требуется, он может сделать невероятную работу. Нет, наш работник не ленив[...]» [7, с. 153] Энгельгардт атакует критиков крестьян: «Кроме того, сколько ни случалось мне слышать возгласов о ленности наших рабочих, я всегда замечал, что говорящий сам не имеет понятия о работе и о той необходимости отдыха через каждые 2-3 минуты, какую чувствует работник». [7, с. 153]

По поводу климатических особенностей рассуждал и Максимов С.В., заметив, что природа теплых стран делает человека сонным и ленивым. Все хорошее и высокое в человеке приобретается трудом; труд ведет вперед людей и народы, поэтому нужно благодарить российский климат, так как он делает из «русского человека самый выносливый и самый трудолюбивый». [4, с. 536]

Максимов С.В. писал, что труд являлся не только источником дохода, но и системой воспитания, критерием социальной значимости и уважения: «В крестьянской семье будь хоть четверо сыновей – всем будет дело, и всякий нужен, и сидеть без работы каждому будет грешно и совестно. Только тот, кто поработал, имеет право поесть. Кто не трудится, только ест, тот заедает чужой хлеб, тот семье своей, отцу и матери, братьям и сестрам, не друг, а злой враг». [4, с. 499]

Удивительным кажутся повествования помощи крестьян друг другу, которую называли «помочь», «толока» и др. Такая работа «из чести» проводилась даром за угощение, на которую приглашаются соседи, и никто не отказывает. «Денег не берут, о них даже говорить стыдятся. Хозяева угощают работников как можно лучше. Если хозяева проявили неуважение в угощении, то и работа будет соответственная. В деревне знают экономическое положение каждого и возможности. В деревне знают, - рука руку моет, зато обе чисты. Это значит, что помогу сегодня, завтра помощь может, оказаться мне и мне соседи не откажут». [4, с. 566-567] «Толочане» всегда работают превосходно, особенно бабы, - так, как никогда за подельную плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличится, так сказать. Работа сопровождается смехом, шутками, весельем. Песнями. Работают как бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Баба из зажиточного двора... будет работать отлично... лучше, чем баба из бедного двора, потому что в зажиточном дворе, у хорошего хозяина, и бабы в порядке, умеют все сделать. [7, с. 97] Не позвать на толоку - проявить неуважение. На толоку приезжали к крестьянам и из помещичьего дома, либо дети барина, либо люди, либо барин помогал деньгами. [7, с. 98- 100]

Помимо сельского хозяйства крестьяне занимались промыслами, которые особенно Максимов С.В. подробно описывал: швецы, извозчики, грабари и др.

Промыслы приносили дополнительный доход крестьянину. Например, сбор грибов: «Каждая хозяйка выхаживает летом грибов на 25 - 30 рублей, а, считая семью в 5 человек, получает в подспорье хозяйству ровно такую сумму: 150-200 рублей, которая кормит дом круглый год». [4, с. 138]

На расспросы исследователя Максимова С.В. о его жизни, крестьянин дает характеристику не только своему хозяйству, но и общему положению дел в деревне, он «как все»: «Всякому, знать, зерну своя борозда, [...] а что Бога гневить: хозяйство веду не хуже кого, всего вдоволь – и скота, и птицы, и землицей мир не обидел; вон и ребятенков возвел. Не морю их, не пускаю по подоконьям[...]». [4, с. 218]

«Редкий мужичок не имеет на дворе у себя пары две и даже три баранов и овец, составляющих предмет предпочтительной любви и благорасположения хозяек – баб, которые называют этих животных многими ласкательными именами[...] например бляшка, яшка». [4, с. 48]

Интенсивный труд крестьян сопровождался праздниками, которые отмечались даже при крепостном праве. В России таких праздников было на конец 19 века было 120-140, причем порядка 74 выходных приходилось на время сельскохозяйственных работ. [2, с. 111] В какие-то праздники нельзя было работать до обеда, в какие-то работа исключалась полностью.

Максимов описывал праздники, в которых принимали участие все возрастные группы: «все находили общий язык. Даже младенец не помеха». [4, с. 26] В праздники были обязательны визиты в гости. Сложность этих визитов напоминают аристократические традиции. Среди крестьян было заведено после получения подарков одариваемый в течение недели обходил дарителей с подарками для них. Таким образом благодарил их за оказанную честь.

Из описаний подготовки к праздникам исследователя пропадают даже подозрения на голодающих и бедствующих «забитых» крестьян: «Оспожинки, Спозонки, или Госпожинки – праздник приурочен к празднику Рождества Пресвятой Богородицы. Празднество в зависимости от урожая отличается большим разгулом. Порой празднуется неделю. Варили пиво по числу ожидаемых

гостей и достатку (от 10 до 15 корчаг), кололи овцу или барана из своих, покупали говядины, головы и ноги бычачьи для студня, доставали рыбы для кулебяки, пекли пирог из домашней пшеничной муки с примесью купленной крупчатки». [3, с. 133] «На праздник Кузьминки для того, чтобы водилась птица, необходимо было забить трех куренков и съесть их утром». [3, с. 144] «На праздник Кузьминки деревенская молодежь проводит пирушки. Каждый приносит в сыром виде картофель, масло, яйца, крупу, муку и пр. Парни воруют кур у соседей, девушки их зажаривают. Держится в тайне у кого и сколько было украдено, но соседи знают про этот обычай и относятся к кражам такого рода довольно снисходительно. Если бранятся, то только для порядка, на молодежь не обижаются». [3, с. 145] Можно предположить, что у голодного народа, как изображали русского крестьянина советские историки, не сложились бы такие забавные традиции и шуточное отношение к еде. Взрослые, вероятнее всего, не приветствовали бы складчину для потехи молодежи и «кражу» птицы. «На Михайлов день полагалось на стол подавать помимо каши, пирогов, студня целую голову какого-то домашнего животного – свиньи, барана, телянка. К чаю пироги, баранки. [...] К Михайлову дню готовятся заранее, за несколько дней. Покупают от 2 до 3 ведер вина (семья среднего достатка) и от 5 до 7 ведер (богатые). ... Ходят друг к другу в гости без приглашения. Это веселый и сытый праздник». [3, с. 147-148] Максимов С.В. описал традицию праздновать обмолот у обыкновенных крестьян: «На новый урожай после обмолота. На хозяйкину новь собрались все такие гости, что привыкли есть хлеб от колыбели и могут съесть великое множество, то их хозяйкина стряпня не удивляет. Молотильщикам не этого надо. Новое блюдо только придирка и на первом месте: без трех горячих не отделаешься, без жаренной баранины не сядут, без двух каш, да без двух молоков (свежего и кислого), да без пшеничного пирога и разговаривать не станут. Да винца сначала, да квас во весь обед, чтобы облиться им можно было с головы до пят, да в конце обеда пивца, затравленного хмелем, - тогда и обеденный разговор пойдет весело и опять попойют песен. С песнями и по домам разойдутся. [4, с. 578]

Заметим, что в рассказе вино - не главный атрибут праздника и разойдутся с хорошим настроением.

Готовясь к празднованию Масленицы, крестьяне тратили – средняя семья 5-6 человек, среднего достатка тратила от 6 до 10 рублей на водку, рыбу, постное масло, гречневую муку и всякие сладости. Еще следовали расходы на обновки бабам и девушкам. «Впрочем, крестьяне, при всей их сдержанности и бережливости, не тяготятся этими расходами, так как в масленицу приходится принимать гостей и самим ходить в люди, и, стало быть, нужно и угостить прилично и одеться по-праздничному, чтобы соседи не засмеяли». [3, с. 46]

При описании каждого праздника совершенно очевидно, что крестьяне на Руси жили очень и очень справно. Максимов С.В. описал съестные заготовки на праздники. Сделать такие заготовки на несколько дней мог позволить себе каждый крестьянин. Беднякам помогали более состоятельные родственники. Считалось позором для родственников, если кто-то в их роду нуждался и не мог достойно отпраздновать праздник. Поэтому каждый нес свои припасы. Соседи так же считали долгом принести что-либо беднякам. При этом Максимов указывает, что их немного. [3, с. 71] По свидетельству Максимова С.В., видно, что основная масса крестьян (не обязательно богачи) могла поделиться мясом, яйцами, хлебом и так далее, значит, их жизненный уровень был достойным.

Праздники в России были для разных возрастных групп, мужские и женские, религиозные, даже для животных - «праздник лошади». Так же были праздники молчаливого, сосредоточенного раздумья. Это праздник Благовещения». [3, с. 66]

В праздничной культуре крестьян четко проглядывается связь поколений. Даже на молодежных вечеринках присутствовали ребяташки и старики. Максимов С.В. интересно описал, что если молодежь будет вести себя скверно, то ребяташки их потом ославят, на всю деревню засмеют. И если парень будет грязно приставать к девушке, то в первую очередь он должен подумать о ее хоть и младшем, но брате, который с друзьями обязательно поднимут на смех ухажера.

Замечательным представляется, что православные праздники касались и скотины. К ней относились не только как источнику пропитания, но и как к членам семьи. Ее мыли перед великими праздниками, пекли для скотины специальные орехи, хлеба к большим праздникам, чистили овец, приносили из церкви освященные хлеба, освящали для скотины сено, небольшой пучок, которого хранили за иконой. Причем, эти действия производились по аналогии с действиями, касающимися человека.

«Окропление святой водой на праздники, и обязательно на крещение. [...] На Крещение с особыми приготовлениями, устраивается целая торжественная процессия на скотный двор. Посреди двора лежит особый корм для скота – печенный хлеб, ржаные лепешки (специально сохраненные с Рождества и Нового года), хлеб в зерне и немоченые снопы ржи, овса и других хлебных растений, оставленные к этому дню с осени (оставляют обыкновенно по шести снопов каждого хлеба). Когда процессия останавливается, хозяйка выпускает до того запертую скотину, далее продолжают действия окропления святой водой». [3, с. 36-38] В Вербное воскресенье домочадцев и скотину хлещут освященной вербой для здоровья. Бабы пекут из теста орехи и дают их домочадцам и скотине. [3, с. 64] Был даже лошадиный праздник. В конюшнях некоторые крестьяне вешали образ Фрола и Лавра. Люди в конюшнях не решались испражняться. В редких стойлах не подвешена убитая сойка (чтобы лошади были веселее). Считалось, что всякая животиная на счету у Бога, а лошадь сама умеет ему молиться. [3, с. 103]

Во время праздников хорошо накрытый стол был обязательным условием праздника. Но от праздника ждали не только обильный стол, но и хороводов, общения, игр, песен, и что совсем удивительно, театральных постановок. «Веселье сопровождалось театральными сценками очень смешными и забавными. Где объектов насмешек, иронии и юмора может быть барин, барыня». [4, с. 22-26] И нет причин рассматривать эти шутки как признак нелюбви к помещикам. Нелюбовь выражается по-другому (с вилами в руках). Наличие шуток в адрес господ, видимо, свидетельствует, что крестьяне не были «зажатыми и забитыми»

и не боялись подшутить над ними, так же, как и над членами крестьянского сообщества. Причем, по свидетельству Максимова, такие сценки видели помещики, участвуя в общих посиделках, особенно молодые барышни и барины. Судя по этнографическим наблюдениям, в деревне не было «классового антагонизма» крестьян к помещикам.

В общении с барями крестьяне соблюдали своё достоинство. Еще Радищев А.Н. в расцвет крепостного права в своем опальном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву», которое принято считать этнографическим, приводил разговор с крестьянской девушкой Аннушкой в деревне. Девушка вела себя скромно и достойно. Очевидно, что она понравилась Радищеву, и он ее поцеловал в щечку. На это она сказала, что если был жив батюшка, то не посмотрел бы, что он барин и нагрел бы ему шею. На расспросы о замужестве Аннушка рассказала, что за любимого выйти не может поскольку, что бы жених пришел к ней дом, нужно его семье заплатить 100 рублей, а таких денег у них с матерью нет. Сама она в дом к любимому пойти не может, т.к. она у матери единственная работница. Радищев намерен заплатить эти деньги, девушка отказалась, заявив ему, что он ее хочет опозорить. Радищев напросился в дом к девушке. Там он настойчиво предлагал деньги матери и жениху, но те денег не взяли и даже оскорбились, почти прогнали Радищева. Писатель невероятно удивился поведению крестьян, для которых 100 рублей огромная сумма. [6, с. 118-121]

У Энгельгардта А.Н. много рассказов доброго общения и между помещиками и крестьянами, причем, не только по хозяйственным вопросам, но и «спросить совета». [7] «Я заметил, что, чем богаче деревня, чем зажиточнее и замысловатее крестьяне, тем более стараются они о хороших отношениях помещику, ближайшему соседу. Зажиточный мужик всегда вежлив, почтителен, готов на всякие мелкие услуги.» [7. с. 97] По этнографическим свидетельствам возникает впечатление не только толерантного существования крестьян и помещиков, а нормального соседского общения.

Читая описание праздников, становится очевидным, что они праздновались широко, весело, сытно с использованием спиртного. Удивительным

представляется то, что Максимов С.В. И Энгельгардт А.Н., наблюдая за жизнью крестьян, не описывали случаев пьянства. Максимов С.В. свидетельствовал, что на праздники народ выпивает, но пьяный человек - явление редкое и является объектом насмешек, шуток. О пьяницах он вообще не писал.

Энгельгардт А.Н. специально подчеркнул отсутствие пьянства среди крестьянского населения. Он писал, что, начитавшись публицистов, представлял русскую деревню темной и пьяной. Но жизнь рядом с крестьянами не подтвердила этого мифа. «Вообще нужно заметить, что между мужиками – поселянами отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видел. При случае мужики, бабы и даже дети пьют, шпарко пьют, даже пьяные напиваются (я говорю «даже» потому что мужику много нужно, чтобы напиться пьяным, - два стопоря водки бабе нипочем), но это не пьяница... Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидал в наших деревнях». [7. с. 69-70]. «Все, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов. Повторяю, мужик даже и отпетый пьяница – это весьма редко.... Я часто угощаю крестьян водкой, даю водки помногу, но никогда ничего худого не видел. Выпьют, повеселеют, песни запоют, иной, может, и завалиться, подерутся иногда, положительно говорю ничем не хуже, как если мы закутим у Эрбер. [...] Выпьют по два стакана подряд [...] закусят, запоют песни, а на завтра опять, как роса обсохнет, на работу, как ни в чем не бывало». [7, с. 70 -71]

Энгельгардт описал горемычного пьяницу, который часто выпивал, напивался на праздники, но работу свою знал. Представляется, что наполняемость понятия «пьяница» в 19 веке в современности разная. Современное общепринятое в обыденном сознание понятие пьяницы предполагает постоянное состояние опьянения и отсутствие ответственности и интереса к работе.

В описаниях исследователей кабаки не являлись очагом пьянства. «Главное же в кабачке можно было узнать самые животрепещущие новости». [7, с. 293]

Максимов писал, что в кабаках держали балалайку, гармонию для посетителей. Для современного посетителя питейных заведений существует музыкальная аппаратура. Наши крестьянские предки сами развлекали себя, давали выйти энергии через исполнение музыки, песен, танцев. При этом, видимо, значительная часть мужиков умела играть. Наличие инструментов подчеркивают, что кабаки – это место разговоров, общения, развлечений. И что опять же бросается в глаза, что этими инструментами мог пользоваться каждый они были на «свободном доступе». И эти инструменты не пропадали.

Энгельгардт неоднократно подчеркивал, что в русской деревне не воруют: «Нет, в отношении отдачи долгов мужики гораздо удобнее, чем люди нашего класса, и мне никогда не случалось столько хлопотать о получении с крестьян проданного в долг хлеба, сколько случалось прежде хлопотать о получении из иных редакций денег за статьи. Мужик, говорят, вор [...] Опять-таки скажу я: до сих пор ни одного случая воровства у себя не замечал. [7, с. 151] «Нет воровства между крестьянами». [7, с. 154] «Я даже не допускал мысли, что бы кто-нибудь мог украсть что-нибудь, хотя домашние знают, что я судится не стану. [...] Как бы то ни было, но я думаю, что в отношении воровства мужики отнюдь не хуже людей из образованного класса. Существует поговорка: «казенного козла за хвост подержать – можно шубу сшить; и уж, конечно, не мужики создали эту поговорку. [...] Не воруют даже семена на посеве. [7, с. 152] «Послушать, что говорят разные газетные корреспонденты, так, кажется, и хозяйничать невозможно. Мужик и пьяница, и вор, и мошенник, условий не исполняет, долгов не отдает, с работ уходит, взяв задаток, ленив, дурно работает, портит хозяйский инструмент и пр. и пр. Ничего этого нет; по крайней мере, вот уже три года, как я хозяйничаю, а ничего подобного не видал. Я, конечно, не стану доказывать, что мужик представляет идеал честности, но не нахожу, что бы он был хуже нас, образованных людей». [7, с. 150] При этом крестьяне не боялись уголовного наказания: «[...] вопросы воровства решаются миром, по-божески, без суда». [7, с. 77]

Возможно, причинами отсутствия воровства были стыд перед соседями, у своих воровать - последнее дело. А в деревне все «свои». Возможно, достаточное материальное благополучие. Но, видимо, основополагающей причиной являлась православная культура - «заповедь «не укради». К слову сказать, по этой заповеди не только грешно воровать, но и выполнять недобросовестно свой труд, а также брать за выполненную работу больше, чем она того стоит.

Исключительно поразительным выглядят описания питания крестьян в будние дни. Эти описания никак не согласуются с утверждениями историков советской школы о вечном голоде в России. Даже если случались трудные неурожайные годы, то речь могла идти о недоедании, ограничении в питании. Голодными годами считались года, когда именно не уродился хлеб, а не все культуры. Об отсутствии перманентного голода косвенно свидетельствует обычай, пожар тушить молоком, при том, что пожары бывали частым явлением. [4, с. 241] Достаток питания на Руси подтверждает русский фольклор. Пословица: «Родись на Руси человек – и краюшка хлеба готова». [4, с. 486] Что и означает, будет человек – будет пища. На Руси есть, чем прокормиться.

В обычные дни крестьяне также уделяли внимание питанию. «Крестьяне говорят: как поешь, так и поработаешь. Ешь картошку, на картошку сработаешь, ешь кушу – на кашу сработаешь. Харч работать не заставит, когда сам не наляжешь». [7, с. 322] «Люди точно знают, на какой пище сколько сработешь, какая пища к какой работе подходит». [7, с. 325] «Мужик главное значение в пище придает жиру. Чем жирнее пища, тем лучше: «маслом кашу не испортишь», «попова каша с маслицем». [7, с. 326] Когда хотят сказать, что богатый мужик хорошо ест, то не говорят, что он ест много мяса, а говорят, что «он жирно ест», «маслянно». [7, с. 327]

«По-мужицкому, кислота есть необходимейшая составная часть пищи. Без кислого блюда для рабочего обед не обед [...] Щи из кислой капусты – холодные или горячие – составляют основное блюдо в народной пище. Если нет кислой капусты, то она заменяется кисло квашенными бураками (борщ). Если нет ни кислой капусты ни квашенных бураков, вообще никаких квашенных овощей [...],

то щи приготавливают из свежих овощей – свекольник, лебеда, крапива, щавель – и заквашивают кислой сывороткой или кислыми склотинами, получаемыми при изготовлении чухонского масла». [7, с. 332] «Крестьяне различают пищу на прочную и легкую [...] Жить можно и на легкой пище: грибы, молоко, огородин, но для того, чтобы работать, нужно потреблять пищу прочную, а при тяжелой работе... самую прочную». [7, с. 334] «Замена различных составных частей прочной пищи другими делает пищу более или менее легкой [...] Если солонину в щах заменить свежей говядиной, то пища будет менее прочною, если солонину заменить свежей свининой еще менее прочная...». [7, с. 335] «Хороший хлеб – первое дело... Затем прочная пища должна состоять из щей с хорошей жирной солониной или соленой свининой (ветчиной – только не копченной) и гречневой каши с топленным маслом или салом. Если при этом есть стакан водки перед обедом и квас, то пища будет образцовая. Никакие консервы не могут заменить этой простой пищи, и вся разница только в том, что бы эта пища была хорошо приготовлена, из хороших материалов». [7, с. 334] «Щи и каша – это основные блюда. Уничтожить кашу – обед не полный, уничтожить щи – нет обеда». [7, с. 335]

Энгельгардт описал удивительные вещи, что крестьяне могут иметь вдоволь мяса по праздникам, мало в будни, довольно молока, яиц, мяса для питания детей, немощных стариков, больных. Самые бедняки могут позволить себе сколько угодно молока, творога, яиц, сыра и т. п. [7, с. 338]

О каше писал и Максимов С.В., причем при знакомстве с кашами крестьян не возникает впечатления убогости питания, а, наоборот, создается очень «вкусное» настроение и радость за наших предков. «Каша – мать наша. Кашей начинает и заканчивает обед даже бедняк. Есть даже праздник каш. Тогда обыкновенно угощают бедную братию. Говорят, что русского мужика без каши не накормишь». [4, с. 487] Еще Максимов писал, что приготовление каши самое разнообразное, вплоть до того, что каша, сваренная на молоке и яйцах похожа на пирожное. Современные хозяйки знают, что некоторые торты, готовятся с добавлением круп, например, манник.

«Кашу варят из всех хлебных растений, и режут только из одной ржи, и то недозрелой (купеческая прихоть – зеленая каша). Бывают каши: яшная, гречневая (самая почитаемая), пшенная, овсяная, полбяная, кукурузная (мамалыга) и картофельная – все сорта во всеобщем народном употреблении. Яшная крупа – ячмень размалывают в ступе, отбрасывают шелуху. Высушенная особым способом, она получает название толстой крупы; очищенная тщательно называется перловка (перл – жемчуг). Каши едят горячими. Гречневая каша распространена потому, что гречка хорошо урождается, и поспеет через 2 месяца после посева. Шелуха от круп употребляется как топливо. Гречневую кашу едят и холодной с молоком, конопляным маслом и квасом». [4, с. 488]

Максимов С.В. был убежден, что каши являются основой здоровья нации. «Простые зерна приносят человеку еще большую пользу, чем изысканные. Хлебные зерна тем и благодетельны для человеческого тела, что в испеченном хлебе и сваренной каше все это вместе дают организму человека все необходимое (вода, известь, крахмал, жир, соль, сахар и т.д.)» [4, с. 489-490]

Когда читаешь описание Максимовым деревенской жизни, возникает впечатление, что крестьянки постоянно пекли хлеб, всякие разные караваи, орехи, лепешки, куличи, пироги и т.д. Со знанием он описывал русские блины, пироги, калачи, булочки, каши, квасы, кисели и др. Максимов писал, что матери для своих детей ставили коробок с хлебом на перекус. «В коробке колобки многих сортов: кокурки, колобаны, клецки, лепешки, кольца, крендели, витушки, каравайцы, сушки, бублики, пряженцы, толченики, папошники, булочки, баранки. При этом всякий из них печется на свою статью особым способом и по-разному приправляется. Детям можно самим брать, сколько захотят между основными приемами пищи». [4, с. 498]

Хозяйка, живя опытом и наукой дедов, испечет гостям хлеб превосходный. Писал, что крестьянки технологично правильно и полезно для здоровья пекут хлеб, не задаваясь вопросом, почему и как делать, а опираясь на знания предков. [4, с. 575]

Думается, что современникам довольно трудно представить обилие и разнообразие русской кухни.

Помимо обильного стола удивляет культура питания. Прежде чем сесть за стол крестьяне обязательно помоют руки в проточной воде, мужчины расчешут волосы гребешком, все помолятся, «чинно и не торопясь едят». [4, с. 41] В приготовлении к трапезе чувствуется обстоятельность, размеренность. «Редко и выходят из-за стола, опять-таки не сплеснувши руки водой из глиняного с рыльцем рукомойника [...] крестьяне сидят за столом чинно, унимают от смеху смешливых, не допускают пустяшных разговоров». [4, с. 579] У крестьян был свой этикет поведения за столом. По сложности не проще, чем у аристократии.

На постоялом дворе для путешествующих крестьян хозяйка постоялого двора на стол обязательно кладет скатерть. Европейец Маркиз де-Кюстин, путешествуя по России в период правления Николая Второго, с удивлением отмечал наличие скатерти на столе. [5, с. 288]

Максимов С.В. описал питание на постоялом дворе, которое мог себе позволить любой путешественник: «Сначала щи с мясом, потом лапша, потом каша с топленным маслом все съедается с аппетитом и по несколько порций. Потом на столе появляются молоко с творогом, затем пироги. [4, с. 42] Максимов с аппетитом описывает эту сцену, причем нет на столе водки. «Ужин такой же сытный, как и обед. Извозчики [...] наполнили всю избу сытым и тяжелым храпом». [4, с. 44-46] Не обошел вниманием исследователь русские пельмени. Он описал их, что это мучнистое кушанье с мясом или рыбой, пирожки вроде вареников. «В дорогу без них не отправляются. Напекают их мешками, замораживают и, когда надо поесть разваривают их в кипятке: разом и суп, и пирожки с мясом. Пельменями всякий сибиряк считает обязанностью запастись на каждый пост. Без пельменей и Сибири бы не завоевали». [4, с. 509]

По описаниям Максимова С.В., наши российские крестьяне не только любили хорошо поесть, но и красиво одеться. Описание Максимовым С.В. крестьянского парня в нарядной одежде: красная рубаха торчит на груди, а шаровары плисовые словно ветром раздуло, и сапоги дехтярные крепко

постукивают [...] Борода расчесана, волоса крепко смазаны топленным коровьим маслом». [4, с. 109]

В описаниях одежды нет свидетельств, что одевались плохо, грязно неопрятно, бедно. Крестьянские семьи могли позволить (это считалось обязательным) на отдельные великие праздники сшить новое праздничное платье. Если не получалось, то обязательно должны быть новые элементы, украшения и т.д. «К принятию Святых Таинств готовятся как к празднику: каждый старается приодеться, по возможности, лучше, а некоторые женщины из самых богатых деревенских жительниц (не крестьянки) считают даже, за грех явится к причастию не в новом наряде». [3, с. 63]

То, что российские крестьяне одевались хорошо и модно свидетельствуют записи Юрия Крижанича - хорвата и католика, проживавшего в России с (1659-1676) во время правления Алексея Михайловича. Он увидел значительную часть русского государства – от его западных границ до Тобольска. «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы [...], а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом? [...] Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками и тверзами, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка». Он об Европе говорит, что на западных платьях более разумного покроя нет ни пуговиц, ни золотых твезов, ни шелковых и золотых кистей, ни жемчужных нашивок. Далее - «Следовало бы запретить простым людям употреблять шелк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, что бы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никуда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином [...] Такого безобразия нет нигде в Европе. Наигоршие черные люди носят шелковые платья. Их жен не отличить от первейших боярынь. [1, с. 46-47] По рассказам этнографов, бросается в глаза не только красивые одежды, но чистота этих одежд и особенно трепетное отношение крестьян к вопросам чистоты. Упомянутый Маркиз де-Кюстин писал: «Русские следят за собой и, хотя их бани кажутся нам отвратительными, однако этот кипящий туман очищает и укрепляет тело. Поэтому часто встречаешь

крестьян с чистыми волосами и бородой [...]». [5. с. 158] «За стол гости прямо не сядут, а сначала непременно вымоют руки, кстати, смоят грязь, налипшую на работе, да исполнят прадедовский обычай: русский человек еще не разу не садился за стол и за еду с грязными руками (разве в виде особого исключения). [4, с. 579]

По сведениям Максимова, почти к каждому великому празднику предшествовала тщательная уборка жилого помещения и овна. И даже мытье скотины.

Этнографы 19 века как данность отмечали грамотность крестьян. Максимов приводил слова девичьей песни, из которой следует, что знание грамоты было обычным явлением для женского населения: По горам да девки ходили, / Да по крутым красны гуляли, / Да и мечом горы сшибали, / Да напишу ли я грамотку, / Да с по белу бархотку, / Да отошлю ли я грамотку [...] [3, с. 21-22] Этнограф описал обычай на Семина день отдавать долги. При взятии в долг денег составлялась бумага: «В условиях так и пишут: «На Семина день я, нижеподписавшийся, обязуюсь [...]». [3, с. 131] Трудно представить, что бережливый крестьянин подпишет документ, не зная его содержания. Впрочем, и занимал он же у такого же крестьянина.

Так же Максимов писал: «Среди захолустных обывателей и донныне пользуется большой популярностью так называемая рукописная духовная литература. Правда духовенство всеми мерами старается изъять из обращения эти остатки старины». [3, с. 139]

Максимов С.В. использовал определение «темное население». Но из его повествования следует, что он этот термин относит к суевериям крестьян, их верованиям и детской наивности, а не как к неумению читать и писать. В его записях нет свидетельств, что крестьяне были неграмотными, если бы они таковыми были, то ему как человеку просвещенному, это бросилось бы в глаза, что непременно нашло бы отражение в его произведении.

Об образовании крестьян писал и Энгельгардт: «Богачи, впрочем, и теперь учат детей, но в «своих», а не в «приговорных» школах: сговариваются между

собой несколько человек в деревне, наймут на зиму какого-нибудь солдата, он и учит». [7, с. 180] При этом следует помнить, что «В наших местах крестьян считается богатым, когда у него хватает своего хлеба до «нови». Такой крестьянин уже не нуждается в продаже своего летнего труда помещику, может все лето работать на себя, а, следовательно, будет богатеть, и скоро у него станет хватать хлеба не только до «нови», но и за «новью». [7, с. 487]

Для понимания жизни и быта крестьян, думается, важно понять психологический климат в крестьянской среде. Вероятнее всего, что обстановка в русской деревне была здоровой. Крестьяне совместно отмечали праздники, помогали друг другу на толоке, помогали соседям победнее и др. Обращения в быту среди крестьян свидетельствуют о здоровых соседских отношениях: Прасковьюшка, Федосьюшка, Степанидушка, Матвеюшко, Лукерьюшка, Оринушка и др., кормилица, кормилец, кормилка, батюшка, матушка, братец, сестрица. На свадьбе жениха с невестой у крестьян называют «князь с княгинешкою» (или княгиней).

Для полноценной картины жизни и быта крестьян этнографических записей только двух исследователей, конечно, недостаточно. Но эти «зарисовки с натуры» дают повод осмыслить идеологические мифы, сформированных в советское время об «отсталой», «темной», «невежественной» деревне. Произведения Максимова С.В. и Энгельгардта А.Н. потрясают описаниями довольно благополучной жизни в материальном плане, нравственной чистотой, высокой трудовой культурой, многообразием праздников и обычаев наших предков. Знакомство с этнографическими наблюдениями российских исследователей вызывает приятное чувство гордости за страну и патриотические настроения.

Работы заставляют задуматься о причинах радикальной трансформации жизни и быта российской деревни в 20 веке.

Литература

1. Горянин А. Мифы о России и дух нации. – М., 2002. – 335 с.

2. Лопатина Н.Л. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). – Кемерово, 2005. – 137 с.
3. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемерово, 1991. – 349 с.
4. Максимов С.В. Куль хлеба. – Л., 1987. – 655 с.
5. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. – М., 1990. – 288 с.
6. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М., 1962. – 237 с.
7. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. – М., 1987. – 634 с.

<https://istor-issled-lopatina.ru>